

Лидия Чарская

Щелчок



Лидия Чарская

Щелчок

«Public Domain»

1911

Чарская Л. А.

Щелчок / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1911

Однажды летом девочка нечаянно вышла из сада на берег реки и исчезла... По следам на земле, убедились, что она пошла к крутому берегу реки. Здесь следы терялись... Не было никакого сомнения, что она оступилась, упала в воду и утонула. Так решили все...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава I	5
Глава II	7
Глава III	9
Глава IV	11
Глава V	13
Глава VI	15
Глава VII	17
Глава VIII	19
Глава IX	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лидия Алексеевна Чарская

Щелчок

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

На утренней заре, задолго до восхода солнышка, из леса выехало несколько крытых грязным полотном телег.

Лишь только телеги остановились на лесной опушке, из-под навесов их выскочили смуглые, черноглазые, курчавые люди с вороватыми лицами и грубыми голосами.

Взрослые мужчины, одетые в рваные куртки, со старыми мятыми шляпами на головах, с порыжевшими запыленными сапогами, принялись отпрягать лошадей, в то время как пестро и ярко наряженные в цветные лохмотья женщины и грязные, до черноты загорелые ребятишки, в одних холщовых грубых рубашонках, вместе с подростками стали собирать сухие ветви и сучья для костра.

Вскоре костер этот был готов и запылал среди лужайки у леса.

Одна из женщин поставила на огонь большой черный таганец с крупую, другая, старая, с седыми лохмами, выбившимися из-под платка, взяла в руки огромный каравай хлеба и большой кухонный нож.

– Эй, вы, дармоеды, подходи за едою! – закричала резким голосом старуха и, нарезав хлеб ломтями, стала оделять им толпившихся вокруг нее ребят.

Последние с жадностью хватали куски, причем старшие из ребятишек вырывали хлеб у младших. Поднялись невообразимый шум, гам, писк и плач.

Старуха с крючковатым носом издали погрозила костлявым пальцем расшумевшейся детворе, но те и не подумали утихнуть. Напротив, еще отчаяннее закипела, еще более усилилась возня.

– Эй, Иванка, уйми ребят, что ли! Сладу с ними нет! – крикнула кому-то старуха.

Из-под навеса ближайшей из телег вылез высокий широкоплечий мужчина, одетый чище и лучше остальных, с серебряной серьгой в ухе, с длинную ременную плетью в руке.

– Эге, мелюзга не в меру расшумелась! – свирепо взглянув на дравшихся ребятишек, крикнул он что было сил и, взмахнув своей страшной плетью, опустил ее на спины дерущихся ребят.

Дружный отчаянный визг огласил опушку, и малыши, как стая испуганных воробьев, разлетелись все в разные стороны от сурового дяди Иванки и его страшной плети.

– Еда поспела. Ступайте хлебать похлебку, – проговорила молодая женщина, хлопотавшая над таганцом у костра.

На это приглашение со всех сторон потянулись прибывшие на опушку леса люди, стали рассаживаться у огня. Старуха нарезала хлеба, молодая сняла котелок с огня и поставила его перед усевшимися в кружок мужчинами. Каждый вынул из кармана деревянную ложку и стал с жадностью черпать ею похлебку, находившуюся в котле.

Только подростки и малыши остались без завтрака. Они жевали черствые корки хлеба и с завистью поглядывали издали на евших у костра людей.

Смуглые люди были цыгане. Как и все цыгане, они вели бродячую жизнь, переезжали с места на место в своих крытых телегах, останавливаясь всем табором лишь на короткое время то здесь, то там, где-нибудь на краю деревни или вдали от города. И тут у них начиналась «тор-

говля»: мужчины обменивали лошадей на рынках (по большей части дурных на хороших) или продавали неопытным людям своих никуда не годных лошадей; женщины же и дети бродили по окрестностям своих стоянок, гадали на картах или предсказывали судьбу по линиям рук, получая за это по несколько копеек; чаще же всего, без всякого гадания, они выпрашивали милостыню.

Но ходили небезосновательные слухи, что цыгане не прочь и воровать при случае, и где бы они ни побывали – везде как-то загадочно пропадали разные вещи.

За это цыган повсюду презирали и преследовали, и они, никогда не останавливаясь подолгу на одном месте, старались укрываться вдали от селений.

Таковы были люди, расположившиеся рано утром на опушке леса.

Глава II

Оставьте меня! Не мучьте меня! Что я сделала вам? Отпустите меня! Оставьте! Я не виновата! Я ни в чем не виновата! Отпустите же! Не троньте меня!

Вдалеке от костра, с рассевшимся вокруг него взрослым населением табора, собралась небольшая группа подростков – черномазых мальчишек и девчонок, одетых в такие же, как у взрослых, грязные пестрые лохмотья. Схватившись за руки, они образовали небольшой хоровод и кружились с громким хохотом, свистом и улюлюканьем, выкрикивая то и дело резкие, грубые, бранные слова.

В их кругу, со всех сторон замкнутая ими, металась девочка, лет девяти-десяти.

Маленькая, худенькая, тщедушная, с белокурыми, как лен, волосами, она резко отличалась от смуглых до черноты цыганских детей своею внешностью и белой кожей, слегка тронутый налетом загара и пыли.

В ее больших синих глазах стояли слезы, все худенькое тело дрожало; она испуганно поглядывала взглядом зверька, затравленного до полусмерти, на кружившихся вокруг нее ребят.

От быстрого кружения хоровода у девочки рябило в глазах; от крика и гама болела и кружилась голова; сердце то замирало от страха, то колотилось в маленькой груди, как подстреленная птичка.

– Отпустите меня! Отпустите! – молила она со слезами на глазах, протягивая вперед худенькие ручки.

Но шалуны не обращали внимания на ее просьбы и мольбы.

Громче, пронзительнее раздавались их крики. Все быстрее и быстрее кружились цыганята. Все резче и пронзительнее хохотали они, потешаясь над маленькой жертвой, метавшейся среди круга и молившей их о пощаде.

И вот неожиданно, быстро остановился хоровод как вкопанный.

Высокий, долговязый мальчишка, лет четырнадцати, с неприятным воровато-бегающим взглядом и кривой усмешкой, отделился от круга, приблизился к девочке и заговорил, кривляясь и строя страшные гримасы:

– Отпустим тебя, если ты нам спляшешь... Попляши, не смущайся, пряник дадим... А плясать не станешь – не взыщи... так тебя огрею кнутовищем, что небо покажется с овчинку. Ну, пляши! Слышишь, пляши! Ха, ха, ха! – заключил он громким хохотом свою речь.

– Ха, ха, ха! – отозвались ему другие ребята таким же злорадным смехом. – Попляши, Галька; ну же, скорей попляши!

Они запели гнусавыми голосами:

Барышня-сударышня,
Бараньи ножки...
Барышня, попляши!
Твои ножки хороши,
Бараньи ножки
Распрями немножко...

И, схватившись снова за руки, завертели и запрыгали вокруг той, которую называли Галькой, угрожая ей кулаками, сверкая глазами и показывая языки.

А Яшка Долговязый, как звали старшего мальчугана, совсем близко подошел к худенькой девочке и, выхватив из-за пояса кнут, почти такой же, как у дяди Иванки, хозяина табора, только поменьше размером, взмахнул им над головой несчастной.

– Пляши сейчас же, чужачка негодная! Ой, тебе говорю, Галька, лучше пляши!

– Оставьте меня, я не умею плясать, – с отчаянием в голосе простонала девочка.

– Ага, не умеешь! Хлеб наш цыганский умеешь есть, а плясать не умеешь! Каждая цыганка должна уметь петь и плясать. На то мы и вольные птахи, цыганские птицы певчие...

– Я же собираю милостыньку... Я же не сижу без дела, – чуть слышным шепотом оправдывалась девочка.

– Ха, ха! Много ты собираешь!.. Дармоедка ты, вот тебе и весь сказ!

И, злобно сверкнув глазами, он прибавил, грубо дернув девочку за коротенькую белокурую косичку, болтавшуюся у нее за спиной:

– В последний раз спрашиваю я тебя: будешь ты плясать нам или нет?

И так как Галька, окаменев от испуга, стояла, не двигаясь с места, и только моргала полными слез глазами, он снова поднял руку с кнутом и высоко взмахнул им над головой своей жертвы.

Отчаянный вопль боли и ужаса вырвался из груди девочки. Она протянула ручонки по направлению к лесу и громко закричала, собрав все свои силы:

– Орля! Орля! Где ты? Спаси меня, Орля! Спаси!

Глава III

Я здесь! Здесь я, Галина! – послышался звонкий, свежий голосок, и на опушку леса выскочил мальчик лет двенадцати и, в несколько быстрых прыжков, очутился в кругу детей.

– Ага! Опять обижали Гальку! Ну уж, ладно, теперь не спущу! Держись! – крикнул он по-цыгански и быстрым взором смерил Яшку с головы до ног.

Его черные, с иссиня-белыми яблоками белков глаза сверкнули бешенством; сильные, грязные руки сжались в кулаки; курчавые волосы, ниспадая на лоб и брови, придавали дикий вид его смуглому лицу с яркими пунцовыми губами, сквозь алые каемки которых сверкали ослепительно белые, как сахар, зубы.

Яшка был на целую голову выше вновь прибывшего цыганенка и года на два старше его. Но меньше всего об этом думал черноглазый Орля.

– Раз! Два! Три!

С быстротою и ловкостью кошки он прыгнул на грудь Яшки и вцепился в его плечи так быстро, с такой неожиданной силой, что тот не выдержал натиска, зашатался и, не сумев сохранить равновесия, очутился на земле.

– Ага! Попался! Будешь знать теперь, как обижать Гальку!..

Яшка бессильно барахтался, лежа на земле, а на груди его сидел торжествующий Орля.

Сильный, здоровый, ловкий мальчуган напряженно сжимал коленями ребра противника, в то же время руками прижимая его плечи к земле. Свободными оставались только ноги Яшки, которыми он и выделявал, желая вырваться из рук врага, такие уморительные и потешные движения, что, глядя на него, все остальные ребята не могли удержаться от смеха.

– Ай да Орля! Молодец, Орля! Орел наш, недаром так зовется! – кричали они, позабыв, что только за минуту до этого были на стороне Яшки, который всячески подзадоривал их дразнить и мучить бедную Гальку.

Этот смех и одобрения пришлось, однако, не по вкусу черноглазому Орле.

– Эй, вы! Молчать у меня! Чего рты разинули? – закричал он звучным, сочным голосом. – Знай все, кто хоть раз пальцем посмеет тронуть Гальку, словом единым обидит ее, с тем я разделаюсь по-свойски! Слыхали?

– А ты, Долговязый, вот что, – добавил он с угрозой своему поверженному врагу, – ты у меня смотри: на этот раз отпущу – колотить не стану, а впредь не помилую... Ты ведь знаешь, я сильнее тебя, Яков, и шутить не люблю... А чтобы ты помнил раз и навсегда слова мои, вот тебе в наказание...

Тут, с быстротою молнии, Орля выхватил из руки все еще барахтавшегося под ним длинного цыганенка кнут и, в одну секунду переломив его на несколько мелких частей, далеко отшвырнул обломки кнутовища в кусты, прибавив уже с добродушным смехом:

– Ну, какой ты теперь цыган, Яшка? Без кнута цыган – то же, что без седла конь! Осрамился ты, Долговязый, на долгие годы. И поделом тебе!.. Не будешь Гальку обижать.

Красный, сконфуженный, униженный, поднялся с земли Яшка. Его злые, разгоревшиеся, как уголья, глаза метали целое пламя бешенства, зубы оскалились, как у дикого зверя.

Орля сказал правду: кнут является неизбежной необходимостью каждого цыгана и подростка; цыганята очень важничают, имея при себе хорошие, прочные кнуты. Потеря такого кнута считалась большой оплошностью как для взрослого, так и для мальчика-подростка.

Вот почему, рыча по-звериному, озлобленный Яшка подступил к Орле с налившимися кровью глазами, с угрожающе сжатыми кулаками.

– Слушай ты, молокосос! Да я тебя за это!.. Да я тебя за это!..

Он не успел закончить своей угрозы. Пронзительный свисток пронесся в эту минуту по лесной опушке и замер в лесу.

Дети разом вострепнулись и засуетились.

– Дядя Иванка кличет! Хозяин кличет! Слышь, ребята, зовет хозяин! Бежим к нему, живо!

И они кинулись дружной толпой в ту сторону, откуда слышался призыв свистка.

– А мы еще посчитаемся с тобою! – пробегая мимо черноглазого Орли, прошипел ему в самое ухо Яшка. – Ты так легко не уйдешь от меня. Врешь, не уйдешь!

– Ладно! Заведи раньше себе кнут, Долговязый, – добродушно ответил ему тот и, взяв за руку все еще плакавшую девочку, произнес не то ласково, не то ворчливо:

– Ну, полно, не реви, Галька! Страсть не люблю, когда режут! Слышишь? Перестань сейчас же! Дядя Иванка звал. Идем к нему, – и, взяв за руку девочку, он поспешил на зов вслед за другими ребятами.

Глава IV

Под ветвями развесистой липы, на пне срубленного дерева, сидел высокий цыган, с серьгой в ухе, и строгими суровыми глазами поглядывал па всех из-под нахмуренных бровей.

Это и был хозяин и начальник табора, дядя Иванка, очень суровый, взыскательный человек, безжалостно наказывавший своих подчиненных за малейшую провинность.

При каждой новой остановке табора дядя Иванка делал тщательный осмотр всем приобретенным на последней остановке добычам.

Старшие уже успели сдать хозяину все, что успели выклянчить или награть у людей; теперь наступила очередь подростков и детей.

– Эй, вы, команда, все собрались? – грубым голосом окликнул хозяин сбежавшихся к нему ребят.

– Все, дядя Иванка! Как есть все! – отозвались те дружным хором.

– Ну, так живо показывай, у кого что есть.

Едва только цыган успел сказать это, как дети бросились врассыпную, каждый к своей телеге. Бросился и бойкий Орля, Галькин защитник, вместе с другими.

Только одна белокуренькая Галька осталась стоять перед дядей Иванкой с потупленными глазами и опущенной на грудь головой.

Ей незачем было бежать за добычей. Она ничего не смогла выпросить в тех усадьбах и деревнях, около которых они останавливались табором последние дни. Беленькая Галька не умела воровать, а милостыню цыганкам подают скупно.

Впрочем, Галька не была цыганкой.

Лет восемь тому назад Орлина мать, чернобровая красавица Марика, привела откуда-то хорошенькую, нарядно одетую двухлетнюю девочку, сказав, что нашла ее заблудившейся в лесу.

Девочку, названную тут же цыганами Галькой (очутившись среди цыган, с испуга бедная крошка никак не могла сказать, как ее зовут), решено было оставить в таборе и научить просить милостыню по деревням. Марика надеялась, что хорошенькой беленькой, нежной девочке будут подавать больше, нежели грубым, вороватым цыганским ребятишкам, но она жестоко ошиблась. Гальке не приходилось часто собирать милостыню. Она постоянно прихварывала и больше лежала на грязной перине, под навесом телеги, нежели ходила с протянутой ручонкой.

Ее за это невзлюбили в таборе, считая белоручкой и дармоедкой. Пока жива была Марика, заступавшаяся за свою питомицу, жизнь Гальки еще не была особенно тяжела. Но вот, случайно простудившись и схватив болотную лихорадку, Марика умерла, проболев недолго, и Гальку начали травить и мучить взрослые и дети.

Один только Орля, ее названный брат, защищал приемную сестренку, как только мог. Не раз он выручал ее из беды, не раз спасал ее от побоев, от страшного кнута дяди Иванки, уделяя бедной девочке часть добычи, которую особенно ловко приобретал он по усадьбам и деревням.

Но сегодня, как нарочно, история с Яшкой вытеснила из головы Орли мысль о том, что Галька с пустыми руками идет перед грозные взоры страшного хозяина. Да и сама Галька, затравленная Яшкой и его сообщниками, забыла об этом.

– Нет, сегодня ей не миновать кары... Сердце девочки дрогнуло и сильно забилося. Между тем к дяде Иванке снова сбежались ребятишки шумной гурьбой. Каждый из них принес что-нибудь.

У Орли под мышкой отчаянно бился и визжал поросенок.

Яшка тащил кудахтавшую курицу, его сестра, рябая Дарка, – пару утят; Аниска-кривой – огромный каравай хлеба; кто-то – красную крестьянскую рубаху; кто-то – пояс и горшок

с остатками каши. Даже маленький семилетний Михалка сумел стащить из-под носа зазевавшейся хозяйки пару стоптанных туфель.

Каждый из ребят с гордостью складывал свою добычу к ногам хозяина и отходил от него, очень довольный хозяйской похвалой.

Наконец последний мальчуган принес и бросил на колени дяди Иванки огромный кочан капусты, стащенный им на огороде.

Теперь наступила очередь Гальки, и глаза всех направились па нее.

Глава V

– Ну, а ты, белоручка, что принесла? – неожиданно загремел над испуганной девочкой грозный хозяйский окрик.

Галька, едва держась на ногах, дрожа всем телом, выступила вперед.

– Я... я... я... – начала было девочка.

– Опять ничего? Это в который же раз ты ничего не приносишь! – топнув ногою, крикнул дядя Иванка, и глаза его под нахмуренными бровями загорелись злобным огнем.

Молчание Гальки, ее испуганный вид и бледное, как снег, лицо не разжалобили свирепого сердца цыгана, а, казалось, напротив, еще более того распалили в нем злобу и гнев.

Он строго посмотрел на девочку, ударил себя рукой по колену и сказал:

– Ну, довольно, моя милушка! Нынче же снимется и отойдет отсюда табор, а тебя мы покинем в лесу. Хочешь – умирай голодной смертью, хочешь – ищи себе новых благодетелей, а нам такая дармоедка, как ты, не нужна.

Услышав эти слова, бедная девочка задрожала всей телом.

Как ни тяжела была ее жизнь впроголодь и в грязи у цыган, но все же у нее был хоть уголок в телеге и кусок хлеба с остатками похлебки.

А самое главное – здесь был Орля, ее милый братик и заступник, которого одинокая Галька любила всеми силами своей детской души. Без Орли вся жизнь для Гальки казалась бессмысленной и ненужной.

И вот она принуждена покинуть Орлю и остаться одна-одинешенька в этом глухом, жутком лесу...

Девочка закрыла обеими ручонками побледневшее личико и тихо, жалобно застонала.

– Дядя Иванка! – звонко выкрикнул детский голос, и Орля с быстротою стрелы вылетел из толпы, расталкивая ребятишек и взрослых.

– Дядя Иванка! Слышишь! Исхлещи меня кнутом до полусмерти, а Гальку оставь! Оставь, молю тебя об этом! – вне себя, захлебываясь и волнуясь, выкрикнул мальчик и повалился в ноги хозяину, обвивая руками его колени.

– Пошел вон! Еще что выдумал! Просить за дармоедку!.. Сказано, выброшу ее из табора – и делу ко...

Дядя Иванка осекся, смолк внезапно, оборвав на полуслове свою фразу, и замер на месте...

Замерли и все остальные, взрослые и дети, замер весь табор.

Прямо на них, по дороге, скакали пять всадников... Один взрослый, тоненький студент в белом кителе, и четыре мальчика-гимназиста – все на обыкновенных сытых и быстрых господских лошадях, а один, передний всадник, крошечный по росту мальчуган, белокурый и хорошенький, на статном чистокровном арабском коне.

При виде этого коня дух замер у всего населения табора.

Такого красавца копя еще не встречали на своем пути ни дядя Иванка, ни все остальные цыгане за всю их жизнь.

Рыжая шерсть лошади червонным золотом отливала в лучах утреннего солнца. Пышной волной струились пушистая грива и хвост. Стройная лебединая шея гордо выгибалась прекрасную голову с парю горячих, как уголья, глаз и розовыми трепетными ноздрями.

– Смотрите, господа, цыгане! Целый табор! Как это их не видно из усадьбы от нас! – серебристым голосом крикнул передний маленький всадник и круто осадил красавца коня. Осадили своих лошадей и другие.

Цыгане поспешили навстречу вновь прибывшим.

Старая цыганка Земфира, помахивая своими седыми лохмами, подошла к старшему из всадников, черненькому студенту.

– Барин-красавец, хороший, пригожий, – затянула она гортанным неприятным голосом, протягивая смуглую морщинистую руку, – дай ручку, посеребри ладошку, алмазный барин, брильянтовый, яхонтовый!.. Земфира судьбу твою тебе расскажет... Всю правду скажу, ничего не утаю, барин хороший, пригожий, посеребри ручку, богатый будешь, счастливый будешь, сто лет проживешь! Посеребри ручку моему Ваньке на рубашечку, Сашке на юбку!

На эту странную гортанную болтовню черненький студент только рассмеялся звонким молодым смехом.

– Не надо сто лет, бабушка, ой, не надо... Что же это: все свои перемерут, а я один останусь столетний! Скучно! – отмахиваясь от гадалки, шутил он.

– А ты посеребри ручку, глазки твои веселые, – не унималась Земфира.

Студент с тем же смехом полез в карман и, достав какую-то мелочь, подал старухе.

– А гадать не надо, я и сам умею гадать, – смеялся он.

В это время Иванка и другие цыгане окружили маленьких всадников и жадными глазами разглядывали красавца коня.

Белокурый мальчик, сидевший на нем, весь зарделся от удовольствия при виде такого внимания к своему скакуну.

– Хороший конь! Редкий! Откуда он у тебя?.. Поди, тысячу рублевиков за него дадено, – сверкая глазами, выспрашивал гимназиста цыганский начальник.

– Не знаю, сколько! Мне его бабушка подарила, когда я перешел из первого класса во второй, – с некоторой гордостью отвечал гимназистик.

– А эти кони тоже, поди, бабушкины? – снова спросил цыган.

Мальчик не успел ответить. Черненький студент подъехал к нему и, перегнувшись в стременах, сказал по-французски:

– Ну, не советую распространяться больше. Среди цыган – много воров... Бог ведает, что у них на уме сейчас... Поэтому всего благоразумнее будет повернуть домой и скакать обратно... Ну, друзья мои, стройся... И вперед, рысью марш!..

И черненький студент первый прищпорил свою лошадь. Четыре мальчика последовали его примеру и, кивнув цыганам, во весь опор понеслись по мягкой проселочной дороге.

Глава VI

– Вот так конь! – Не конь, а картина! – Жизни не пожалею за такого коня!

– Диво-лошадь, что и говорить! Тысячу стоит, ничуть не менее...

Так говорили между собою цыгане.

Всадники давно уже скрылись из виду, а цыгане, всем табором собравшись в круг, все еще жадно смотрели вслед усакавшим.

Наконец дядя Иванка вернулся первый на свое место под липой и, почесав кудлатую голову, проговорил:

– Такого коня в жизни я не видывал еще доселе. Теперь день и ночь о нем думать буду...

И тому, кто мне этого коня раздобудет, я все отдам, ничего не пожалею... Помощником, рукою своею правую сделаю, как брата родного лелеять стану и беречь, а состарюсь – весь табор ему отдам под начальство, хозяином и старшим его надо всеми поставлю... Только бы вызвался кто из молодцов раздобыть мне красавца коня!

Едва успел окончить свою речь хозяин, как все находившиеся в таборе мужчины, юноши и подростки шумною толпою окружили его и загалдели своими гортанными голосами:

– Пошли меня, дядя Иванка!

– Нет, меня пошли! Я тебе это дело оборудую ловко!

– Лучше меня, хозяин; у меня счастье особенное!

– А мне бабка-колдунья наворожила удачу – всякий раз счастливо коней уводить.

– Ладно, врешь ты все! Я тебя счастливее! Все это знают... Я докажу, пускай только хозяин меня пошлет...

Вдруг звонкий детский голосок покрыл мужские:

– Дядя Иванка, пошли меня!

И, сверкая глазами, Орля вынырнул из толпы.

Дружный насмешливый хохот встретил его появление:

– Тебя?.. Да ты бредишь, что ли, мальчишка! – Не суйся не в свое дело, не то попадет!

– Ишь ты! Наравне со старшими нос сует тоже!

– Проучить бы его за это, братцы!..

– Кнутом бы огреть, чтобы небу жарко стало!

– И то бы кнутом!

Последние слова точно огнем опалили Орлю; он затрепетал всем телом, вытянулся как стрела. Лицо его побледнело, губы вздрогнули и белые зубы хищно блеснули меж них. В черных глазенках загорелся гордый огонь.

– Дядя Иванка! – проговорил он, окидывая окружавших его цыган презрительным взглядом. – Ты – хозяин и начальник надо всеми, следовательно, голова.

И ты меня хорошо знаешь. Кто тебе больше меня добычи приносит? Никто!.. Двенадцать годов мне, а другой старый цыган послужил ли табору так, как я?.. Вспомни: я тебе трех коней у помещика увел, корову у крестьянина, из стада четырех баранов, а сколько перетаскал поросят, овец да кур, и счет потерял... Сам ты меня в пример другим ставишь, Орленком – Орлей прозвал за лихость, так почто же позволяешь издеваться надо мной? Вот они все за награду тебе коня привести обещают, а мне ничего не надо от тебя. Одного прошу: приведу коня – не выгоняй Гальки, дай ей жить у нас, не заставляй ходить на работу. А больше ничего не прошу... Так пошли же меня, дядя Иванка, Богом тебя заклинаю, пошли!

Горячо и убедительно звучала речь мальчика. И когда он кончил, долгое молчание воцарилось кругом.

Дядя Иванка сидел, опустив голову на грудь, и что-то раздумывал. Прошло минут пять. Наконец он поднял ее снова и обвел глазами толпившихся вокруг него и Орли мужчин и женщин.

– Слушайте все, – возвысил он голос, – мальчишка правду сказал. Ловчее и проворнее его не найти среди нас. Да и ростом он много меньше всех нас будет. Куда мы, большие, не пролезем, он без труда пройдет. Его и посылаю... Слышь, Орля? Посылаю тебя! Отличись, Орленок! А приведешь коня – тебя и твою сестренку к себе возьму в хозяйскую телегу и вместо родных детей буду держать... Вырастешь, опять-таки хозяином вместо себя назначу. И Гальке не житье будет, а масленица тогда. Так и знай... Если же бахвалишься зря и коня не раздобудешь, не погневись, мальчик: тебя кнутом исполосую, а Гальку брошу среди леса – ты это знай... А теперь к делу... Не надо нынче идти на работу! Собирайтесь, женщины! Сейчас двинемся в путь, отойдем подальше через лес, на прежнюю стоянку.

– Слышишь, Орля, мчись во весь опор. Как уведешь коня прямо к последней нашей лесной стоянке лети, там тебя и будем дожидать, – закончил свою речь, обращаясь к мальчику, дядя Иванка.

Глава VII

Ночь. Светлые сумерки окутали землю. Легкий июньский полумрак прозрачен. Отчетливо видно в нем кто идет по большой дороге к усадьбе. Но если прокрасться вдоль берега большого пруда с обрывистыми берегами, можно остаться невидимым в тени раки.

Небольшая вертлявая фигурка крадется по самому береговому скату, держась за прибрежные ракиевые кусты.

Над головою раскинулись шатром плакучие ивы, и под ветвями их можно укрыться от зорких глаз.

Орля вышел из лесу сразу после заката солнца. Он прокрался между двумя стенами молодой, чуть поднявшейся ржи и достиг пруда. Здесь, под кустом раки, дождался он предночных сумерек и пошел дальше.

Теперь уже и до усадьбы рукой подать. Вот белеют стены господского дома за деревьями сада... Лишь бы пробраться в сад, где гораздо темнее от частых деревьев и кустов. А там он осмотрится и проберется дальше под тенью деревьев до самого двора, к конюшням.

Жутко одно: не умолкая, трещит у господского дома сторожевая трещотка, и то и дело лают собаки, будя ночную тишину.

Про собак Орля вспомнил, проводя последние минуты в таборе. Он захватил для них с собою сухих корок черного хлеба.

Медленно прокрался цыганенок берегом пруда и подобрался к изгороди усадьбы. Она была невысока: аршина два, не выше.

Выждав время, когда трещотка ночного сторожа затихла в отдалении, Орля быстрыми движениями рук и ног вскарабкался на забор и оттуда соскочил в сад, прямо в колючие кусты шиповника. Больно исцарапав себе лицо и руки, но не обратив на это никакого внимания, мальчик бросился вперед, держась все время в тени деревьев.

В господском доме все спали. В окнах усадьбы было темно. Только по-прежнему на дворе, за садом, лаяли неугомонные цепные собаки.

Орля двинулся вперед, сделал несколько шагов к внезапно замер на месте.

По садовой аллее шли две мужские фигуры, надвигаясь прямо на него.

Одним прыжком мальчик прыгнул за дерево и, спрятавшись за его широким стволом, ждал, когда идущие пройдут мимо.

Вот они ближе, еще ближе...

Теперь Орле слышно каждое слово их разговора.

– Надо зайти в конюшню, барчукову коньку корму к ночи задать, – проговорил высокий мужчина своему спутнику.

– И я с тобою, дядя Андрон. Лишний разок погляжу на барченково сокровище, – отозвался молодой юношеский голос.

– Есть на что и взглянуть. Говорят, старая барыня этого коня за тысячу рублей у одного коннозаводчика купила. Уж больно жалеет да балует Валентина Павловна своего внука...

«Это они, наверное, говорят про ту лошадь... И к ней они идут... Надо за ними следом... Сейчас же, сию минуту», – забыв страх и опасность, весь дрожа от нетерпения, волновался в своем убежище Орля.

Лишь только оба спутника миновали дерево, за которым притаилась тонкая фигура Орли, мальчик выступил из-за него и, держась все еще в тени, стал с удвоенной осторожностью красться за ними...

Если бы одному из шедших впереди мужчин пришла охота оглянуться, мальчик, вне всякого сомнения, был бы замечен, так как светлая ночь начала июня была немного темнее дня.

Боясьдохнуть, прижимаярукук сильнобьющемусясердцу, Орляследовалзатемными фигурами, тоостанавливаясь, тоскользякакпризрак, легко, бесшумно.

Такдошлиони доизгороди.

Вотодинизмужчиноткрыл калиткуи вошелсо своимспутником во двор.

Цепные собаки встретилиобоих радостным лаем, приветствуякак своих, но сейчасже глухозарычали, почуяв присутствие Орли, успевшего тоже прошмыгнуть в калитку забора, отделявшего сад от двора, и скрыться за угломкакой-то пристройки.

Вэту минуту старший из спутников сказал:

– Яоткрою конюшню, а ты сходи ко мне, в кучерскую, Ванюша; принеси сахару, там, на столе, лежит... Страхкак разбойник этот, барчуков Ахилл, до сахара охотник.

– Ладно, принесу, дядя Андрон, – и младший из мужчин зашагал по двору к дальним строениям.

Кучер вынул из кармана ключ и открыл им двери здания, за углом которого спрятался Орля.

Сердце мальчика забилося сильнее. Легкий крик восторга чуть не вырвался из его груди.

Здание оказалось конюшней, и из глубины ее послышалось веселое ржание коня.

Это был тот самый конь-красавец, за которым Орля пришел сюда, на чужой двор, и ради которого он поставил на карту всю свою дальнейшую жизнь и счастье свое и Гальки.

Сквозь щель конюшни мальчику хорошо видна была гнедая статная фигура лошади, стройная шея, заплетенные на ночь грива и хвост.

«Теперь или никогда!.. Он сейчас придет, тот, другой, в конюшню, зададут корм и уйдут, закрыв за собой дверь, – вихрем пронеслись мысли в голове Орли. – Стало быть, надо взять коня сейчас же, сию минуту!» – решил он, дрожа всем телом от обуявшего его волнения.

Весь план похищения был придуман Орлей в одну секунду. Надо было только выполнить его половчей.

И, подавив в себе через силу нараставшее с каждым мгновением волнение, Орля неслышно выбежал на середину двора.

Не обращая внимания на глухозарычавших привязанных на цепь собак, кинувшихся к нему навстречу, он, приложив руку ко рту трубою, закричал громким, отчаянным голосом на весь двор и сад:

– Пожар! Горим! Горим! Спасайтесь!

И снова порхнул за дверь сарая. Оглушительным лаем и визгом покрыли собаки этот крик мальчика. Они рвались, беснуясь, со своих цепей, но Орле уже было не до них.

Из конюшни, встревоженный криком, выскочил кучер.

– Где пожар? Что горит? – растерянно кричал он и, сообразив, что надо делать, бегом бросился к дому.

Этого момента только и ждал Орля.

Стрелюю кинулся он в конюшню, дрожащей рукой схватил за повод красавца коня, вывел его па двор, одним ловким прыжком очутился на его спине и, изо всей силы крикнув ему в уши: «Гип, гип, живо!» – хлестнул что было мочи лошадь по золотистым бокам выхваченной из-за пояса плеткой.

Молодое горячее животное сразу взяло с места карьером и понеслось стрелой по двору под оглушительный лай собак и отчаянные крики кучера, понявшего теперь, в чем дело.

Сделав высокий прыжок, лошадь перепрыгнула через изгородь, отделявшую двор усадьбы от дороги, и помчалась прямо по лесной дороге, унося Орлю, вцепившегося руками в ее гриву.

Глава VIII

Держи его! Лови! Держите разбойника! Барчукову лошадь украли! Карраул!.. – неслись за Орлей отчаянные крики.

Страшная суматоха, шум, крика, брань, угрозы – все это понеслось за ним вдогонку.

Скоро к этим звукам присоединились и другие: топот нескольких пар лошадиных копыт возвестил юного цыганенка о мчавшейся за ним погоне.

Он улучил минуту и оглянулся. За ним скакало трое мужчин. Их темные фигуры резко выделялись на сером фоне июньской ночи.

Орля снова выхватил кнут и изо всей силы ударил им коня.

Красавец копь теперь уже не бежал, а мчался... Словно летел по воздуху... Но, как ни странно это казалось Орле, лошади его преследователей не отставали от лихого скакуна. По крайней мере, расстояние между мальчиком и погоней все уменьшалось и уменьшалось с каждой минутой.

Вот уже передний из преследовавших Орлю всадников приблизился настолько, что мальчугану хорошо слышны и прерывистое дыхание его лошади, и резкие звуки ее копыт, и мужской голос, кричащий ему в спину:

– Эй, остановись! Тебе говорят, стой, парнишка! Ой, остановись, лучше будет! Все равно не уйти!

Но Орля, в ответ на эти крики, только теснее сжимал крутые бока лошади да судорожнее впивался цепкими пальцами в ее гриву.

Теперь он почти достиг леса. До опушки его оставалось каких-нибудь десять-двенадцать сажень.

Еще немного, и он вне опасности.

Но что это? Хриплое дыхание лошади и топот копыт слышны уже совсем близко, за его спиной... Слышны и угрозы передового всадника... Он почти нагоняет его... Почти нагнал...

С замиранием сердца пригибается Орля к шее коня. Гикает ему в ухо. Изо всей силы ударяет нагайкой, и... он в лесу...

Передний всадник кричит в бешенстве:

– Стой! Остановись! Все едино поймаю!

Но Орля торжествуя взвизгивает ему в ответ:

– Поймал! Как же! Держи карман шире! Он уже в лесу. Погоня отстала.

Вдруг сквозь деревья ближайшей чащи он видит всадника на малорослой вороной лошадке.

«Батюшки, да это Яшка! Длинный Яшка! Зачем он здесь?!» – проносится мысль быстрая в голове мальчика.

И, совершенно упустив из памяти то, что Яшка его первый враг, Орля кричит весело, желая поделиться с ним своей удачей:

– Яшка! Видишь! Удалось-таки! Увел-таки ко... Он не dokonчил, смолкнув на полуслове.

Длинный Яшка поднимает руку, взмахивает ею, и в тот же миг большой острый камень ударяет Орлю в голову, чуть повыше виска.

Отчаянный, полный ужаса и боли, крик прорезывает тишину леса, и, выпустив повод, Орля, как подкошенный, обливаясь кровью, без чувств падает на траву.

Почти одновременно с этим Длинный Яшка хватает украденного коня за повод и, стегнув свою лошадь, мчится в чащу, уводя за собою на поводу Орлину добычу.

В это время погоня въезжает в лес.

– Гляньте-ка, братцы, никак кто-то лежит!

Кучер Андрон первый замечает бесчувственного, окровавленного мальчика посреди лесной дороги; он слезает с лошади и наклоняется над ним.

Подъезжают и другие: конюх Иван и сторож Антипка.

– Да это тот самый, который лошадь украл! – неожиданно вскрикивает последний. – Куда ж это он отвел коня?

– Ври больше! Этот маленький, а тот, поди, конокрад большой был!

– Ну да, большой! Чуть от земли видно. Тоже скажешь. Ночь не темная – видно было, как скагал.

– Братцы, да он мертвый, весь в крови! Неужто ж Ахилл его сбросил?

– Должно быть, что так...

– По делам вору и мука. А лошадь-то, лошадь где поймать?

– Где поймаешь ночью? Завтра утром сама придет, дорогу знает к стойлу. А вот с мальчишкой-то что делать?

– Известно – в полицию... Мертвый ведь он...

– До урядника пять верст... А пока что домой бы...

– Братцы, глядит-ка, дышит... Не помер он... Простонал никак! В больницу бы его!

– Сказал тоже – в больницу! За десять верст больница-то... а видишь, кровь так и хлещет из раны... Того гляди, по дороге умрет.

– Дяденька Андрон, а что, ежели в усадьбу его? Барышня раз навсегда приказали к ней доставлять всех увечных птиц и больных собак, – поднял нерешительно голос молоденький конюх Иван.

– Да ведь то животное, а это человек, и притом злостный человек: вор, конокрад, – запротестовали в два голоса Андрон и Антипка.

– Так тем пуще надо. Не погибать же душе христианской.

– Воровская у него душа, цыганская... Ну, да и впрямь, снести бы... Может, в усадьбе-то отойдет да скажет, куда лошадь девал. Несем-ка его в усадьбу, братцы!

И Андрон нагнулся над бесчувственным Орлей и с помощью конюха Вани поднял его и понес. Антип взял их лошадей за поводья, и печальное шествие двинулось по направлению к усадьбе.

Глава IX

Проснулся господский дом. В окнах его замелькали огни.

На террасе собрались все обитатели усадьбы: Валентина Павловна Раева с внуком Кирой и калекой-внучкой, хромой четырнадцатилетней девочкой Лялей, ходившей на костылях, их гувернантка, Аврора Васильевна, – пожилая сухая особа; француз, добродушный старичок мосье Диро, или «Ами», как его называли дети; репетитор белокурого черноглазого мальчика Киры, поразительно маленького для своих десяти лет, дальний родственник Раевых, студент Михаил Михайлович Мирский, «Мик-Мик» по прозвищу, данному ему самим Кирой, и другие.

Тут же были и три товарища по гимназии маленького Раева – дети бедных родителей, которых гостеприимная и добрая Валентина Павловна пригласила провести в Раевке лето: маленький, необычайно нежный, похожий на тихую девочку, Аля Голубин, сын отставной школьной учительницы; краснощекий, румяный, плотный крепыш, Ваня Курнышов, сын бедного сапожника, и синеглазый веселый, горячий, как огонь, одиннадцатилетний хохол-сирота – Ивась Янко.

Между мальчиками то и дело юлила небольшая фигурка двенадцатилетней девочки, с носиком-пуговицей, вихрастой головкой и бойким птичьим личиком, шаловливой, везде и всюду поспевающей. Это была Симочка – приемыш Валентины Павловны, выросшая в ее доме вместе с сиротами-внуками.

Няня Степановна и щеголеватый лакей Франц, у которого ничего не было немецкого, кроме его имени, тоже пришли на террасу разделить беспокойство своих господ.

Кира, прелестный изящный мальчуган, с короткими кудрями и глазами, похожими на коринки, волновался больше других.

– Вы поймите! Вы поймите! – обращался он то к одному, то к другому. – Бабушка мне его подарила! А они его украли! Гадкие, противные, злые цыгане!.. Мы проезжали, катаясь утром, мимо табора... Останавливались... А они так смотрели на Ахилла! Так смотрели!.. О, бабушка, бабушка! Да неужели же мы не найдем Ахилла, моего голубчика? Неужели не вернем?

– Будьте же мужчиной, Кира, – шепнул, приблизившись к своему ученику, Мик-Мик, в то время как Валентина Павловна, стараясь всячески утешить внука, гладила его кудрявую головку.

– Жаль, что я не поехал вместе с погоней! Я бы поймал вора, – неожиданно проговорил синеглазый красавчик Янко, вспыхивая от нетерпения.

– Как раз! Кто кого? Ты вора или он тебя? – шепотом насмешливо осведомился у товарища Ваня Курнышов.

– Ну, знаешь, благодари Создателя, что уж больно торжественная минута, а то бы я тебя... И Янко незаметно щелкнул Ваню по его широкому, бойко задранному кверху носу.

– Ах, ты!.. – всколыхнулся тот.

– Тише, тише! Я слышу, сюда идут. Лошадиные копыта тоже слышу, – и бледная, тоненькая, хромая девочка Ляля, подняв пальчик, остановилась у дверей террасы.

– Идут! Господи Иисусе! И несут кого-то, – невольно крестясь, встала свое слово Степановна, тоже выглядывая за дверь.

– Поймали! Вора поймали! Ура! – неистово, на весь сад, крикнул веселый Ивась и осекся, замолк сразу.

Двое мужчин с мальчиком, бессильно свесившимся у них на руках, подошли к террасе и положили бесчувственное тельце па ее верхнюю ступеньку.

Кучер Андрон выступил вперед и, волнуясь, передал в коротких словах обо всем случившемся.

– Вот он, воришка этот, либо мертвый, либо живой, не знаем. А лошадь исчезла, как в воду канула. Утром мы с Ваней обшарим весь лес... С парнишкой что прикажете делать, Валентина Павловна, ваше превосходительство? Куда нам велите доставить его? – заключил вопросом свою речь Андрон.

Бабушка подняла к глазам лорнет, взглянула на распростертое перед пей маленькое тело цыганенка, с курчавой головой, с сочившейся струйкой крови из раны на виске, и проговорила взволнованным голосом:

– В больницу его надо... Запрячь коляску и отвезти его сейчас же в больницу... Скорее!

– Ах, нет! Не надо в больницу!.. Он умрет по дороге! Смотрите, какой он бледный жалкий и весь в крови!

И хромая девочка наклонилась над Орлей.

– Бабушка, милая, дорогая, не отсылайте его от нас!.. Я выхожу его... Может быть, он выживет... не умрет... Умоляю вас, бабушка, хорошая, дорогая.

И девочка со слезами на глазах прильнула к старушке Раевой.

– Но ведь он вор, Ляля! Пойми, таких в тюрьму сажают, – волнуясь, протестовала Валентина Павловна. – Он, наконец, у твоего брата лошадь украл! Сделал несчастным бедного Киру!

– Бабушка! Милая! Но ведь, может быть, и не он украл. И притом, кто знает, его могли научить украсть другие или заставить... принудить... Это ведь никому не известно... Я умоляю, бабушка, разрешите его оставить у нас... Он поправится и тогда скажет, куда девалась лошадь и зачем он увел ее. Я сама буду ухаживать за ним. Милая бабушка, разрешите только!

Калека-девочка просила так трогательно и кротко, что не привыкшая отказывать в чем-либо своим внукам бабушка невольно задумалась. Легкое колебание отразилось на ее лице.

Валентина Павловна сама была очень добрая и чуткая по натуре. Пропажа дорогой лошади огорчила ее, тем более что лошадь эта была любимой забавой ее внука Киры-Счастливого, как его называли все в доме. Но, с другой стороны, нельзя же было дать умереть мальчику, которого еще можно попытаться спасти. Вор он или не вор – покажет будущее, а пока надо во что бы то ни стало помочь ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.